

АЛЕКСАНДРА МИХНЕВИЧ

СИМВОЛ №7

Александра Михневич

СИМВОЛ №7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43113541

ISBN 9785005005717

Аннотация

Литературное произведение, написанное петербургской писательницей Александрой Михневич. Сюжеты для произведений писательница берет из жизни.

Содержание

Дачные рассказы	5
«Зимний сон»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Символ №7

Александра Михневич

© Александра Михневич, 2019

ISBN 978-5-0050-0571-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дачные рассказы

Выстрел

*Тот человек, которого ты любишь во мне —
лучше меня: я не такой...*

Но ты люби!

И я стану лучше себя.

(Михаил Пришвин)

Родители Лёшки собрались в город.
На один вечер.

Им срочно понадобилось съездить. И они оставляли Лёшку на даче одного.

– Сын мой, – после ужина серьёзно сказал ему папа, с копной тёмных волос и с решительным профилем орла, – ты уже взрослый. И ничего не должен бояться. Ты просто – ты понял меня? – просто переночуешь сегодня один.

Всего одну ночь.

А завтра утром – к завтраку – мы уже появимся.
Договорились?

И – смотри: главное – ничего не бойся!
Ты мужчина!

Помни это. Всегда.

И гордись этим.

– И тут вокруг – свои же дачники, – мягко улыбнулась мама, с мягкими волнами русых волос и с мягкими чертами лица: – Если что, соседи все свои.

Да ты их всех знаешь!

Только на реку один не ходи, а если соберёшься, то с ребятами.

Всё будет хорошо, – снова улыбнулась мама.

И родители уехали в город.

9-летний взрослый Лёшка остался один.

Было пасмурно, и на реку никто не пошёл.

Так, поболтали с мальчишками, посмотрели кинчик...

Потом все разбрелись по своим дачам: родители позвали всех – по домам, а то дождь начинается... и – вот уже – ливанул!..

О! и молния... а грохочет как!!!

Лёшка лёг спать – где и обычно – на втором этаже, в своей

уютной мансарде.

Здесь, в маленьком университетском дачном посёлке, домики типовые – почти у всех одинаковые или похожие: двухэтажные, у кого-то с камином, у кого-то с печкой...

И второй этаж – почти у всех – меньше первого: мансардный.

И – почти во всех семьях – мансарду оккупировали отпрыски.

Предоставив предкам – более обширный и представительный – первый этаж.

Лёшка долго не мог уснуть.

Гроза разгрохоталась не на шутку!

Домик то и дело сотрясался от грохочущего грома – то с одного боку... то с другого...

И – окно внезапно освещалось вспышками молнии – озаряя всю комнату...

И выхватывая из мрака – то диван с перепуганным мальчишкой, натянувшим одеяло по самые распахнутые глаза – с уже огромными зрачками!..

То – стол у противоположной стены – с ноутбуком, и с альбомом для рисования, и свёрнутым в трубку ватманом, и бо-

гатым набором цветных грифелей и всевозможных мелков...

А то – и ружьё – висящее на потёртом ковре с затейливыми узорами... на той самой стене, у которой стоял диван с перепуганным мальчишкой.

Лёшка ругал себя – и уговаривал – что это всего лишь гроза.

Просто – гроза!!!

И – ты – что, грозу никогда не видел, что ли?!!

Но – новые всполохи – и новые тени!.. едва уловимые – не давали ему закрыть глаза и унять бешеный стук своего сердца.

Наконец, измученный Лёшка всё же заставил себя закрыть глаза.

Точнее – заставил себя – не распахивать их.

Ни при очередном грохоте грома, ни от очередной вспышки молнии.

Он – и хотел спать... да уже давно!

Потому что – уже давно – глухая ночь... совсем глухая...

Часа три уже, или около того...

Ну, вот, – думал про себя Лёшка, – дождусь трёх часов...

И тогда уж усну...
Додумал он сквозь сон.

Провалился куда-то... что-то непонятное и неприятное...
Он понимал: это сон... это всего лишь сон...
И – хотя и сон – но это не просто сон.

Поэтому было очень неприятно.

Вдруг Лёшка в один миг вынырнул из сна.
И распахнул глаза.

На двери в мансарду – почти под потолком – сидела кошка.

На самом верху двери – и раскачивалась.

Точнее – кошка сидела неподвижно – и раскачивала дверь.

Словно готовясь для прыжка.

Лёшка напрягся.

И вдруг ощутил: ужас – животный, дикий ужас – куда-то улетучивается...

И даже стук сердца – уже не напоминает самый громкий набат на всю округу.

«Сын мой, ты ничего не должен бояться.

Главное – ничего не бойся!

Ты мужчина!» – всплыло в голове отцовское .

А следом – вспомнилось: вообще-то дверь была закрыта.

И – не просто прикрыта: а закрыта на поворачивающуюся круглую ручку.

И – никакая кошка в мире – не способна её открыть.

Если – она – кошка.

И Лёшка – не мог забыть закрыть дверь.

Во-первых, потому что он всегда закрывает её на ночь.

Во-вторых, потому что иначе она скрипит от сквозняка, и какой уж там сон.

А сегодня – из-за шторма – сквозняк будь здоров, и дверь аж шарахалась туда-сюда, и Лёшка её тем более закрыл.

А в-третьих, *он её закрыл.*

И – к своему собственному удивлению – Лёшка не испугался...

А – наоборот – успокоился.

Внутри – ощутил словно холодок...

Но – не мертвящий холод, сковывающий от ужаса – нет.

А – твёрдый спокойный холодок... спокойствие решимости.

Холодная трезвая голова.

И так получилось – стало возможно – потому что Лёшка – терпеть не мог эту кошку.

Именно эту кошку.

Так-то он котов любил, даже очень!

И никогда не обижал, и вообще животных не обижал.

Но – эту кошку – он почему-то не выносил...

Похоже, что взаимно.

Когда эта кошка попадалась ему на улице – на маленькой уютной улочке между цветущими палисадниками и ухоженными газонами у дачных домиков – кошка явно напрягалась, не то мрачно шипела, не то как-то странно подвывала...

Но он – не пугался. Хотя – когда они встретились впервые – ему было 6 лет.

Но – он посмотрел на неё...

Спокойно так посмотрел – и сказал:

– Э, да ты, кошка, злая. И ты лучше ко мне не подходи. Не будешь ко мне лезть – так я тебя не пну. А захочешь на меня наброситься – то я тебя пну. Ну, и кому хуже?

Даже если ты меня оцарапаешь – всё равно тебе тоже достанется.

И ты мне не нравишься. Ты реально злая. Злобная.

И у тебя – вот именно у тебя – очень плохие глаза.
Какие-то не кошкины.
Ты, наверно, на самом деле – воплощение ведьмы.
Какой-то злой старой ведьмы.
Но я тебя не боюсь.

Сказал он так – спокойно сказал – и пошёл по своим делам. То есть, на речку.

Во всё время его ноты или ультиматума – кошка тихо и злобно выла...

Но – так и не сделала попытки его цапнуть.

А когда они встречались – изредка – посреди дачной улочки – кошка медленно и злобно выла... и – отводила глаза.

Лёшка спокойно проходил мимо.

Ну, в смысле, ноль реакции.

Эту кошку знали все соседи.

И – и вправду – недолюбливали.

И вовсе не потому, что полностью чёрная.

А – злобная была эта кошка потому что.

Кошка была соседки напротив.

Точнее, дом соседки – не прямо напротив. А напротив – и чуть по диагонали.

У соседки были очень хорошие муж и дочка; дочка старше Лёшки года на два.

А сама соседка... Хотя – и вроде такая милая... И любезная, и так одета хорошо и со вкусом, и говорит так вежливо, и приветливо улыбается всем...

Но... что-то в ней было – не то...

И – ещё – Лёшка ловил себя на мысли: когда он видит эту девочку – соседкину дочку... то – почему-то – жалеет её...

А потом... Он поймал себя на мысли – что думает об этой девочке – не только с жалостью... а уже и с какой-то теплотой... и даже с нежностью...

А – потом – понял: она ему нравится.

И вот теперь – в жуткой грозовой ночи – чёрная кошка с плохими глазами – явилась к нему сама.

И – раскачивалась на его двери...

Которую он закрыл, вообще-то! Это ж надо – какая наглость!!

Он – закрыл!! А она – раскачивается!!!

И это – не её дом!

Это – дом его и его родителей!!

И – пусть – катится – туда...

Э, нет...

Лёшка – осёкся... оборвал собственную же мысль...

Нет, нет, ни в коем случае!

Ведь там же... Там эта девочка.

А вдруг – эта поганая ведьма – если не сможет причинить ему вред – то захочет причинить вред ей...

А у неё – и так в последнее время – грустные глаза...

Хотя – такие красивые глазки!! Нежные, голубые...

И – такие весёлые бывают!..

Лёшка – аж любовался невольно, когда – на речке, или где-то случайно – видел, как ей весело, и как она смеётся... издали видел. Так-то они и не общались...

Но – Лёшка – всё равно всё знал о её жизни.

И теперь...

Да нет же!

Ничего у тебя не выйдет, злая ведьма!

Он уже понял: кошка – хочет просто его попугать – вот и раскачивается на двери – с угрожающим видом... чтобы

он – типа, как маленький – описался от страха...

И вообще – забоялся.

Да не дождёшься!

И тут кошка... словно услышала его мысли!

Едва он так подумал – что вообще не боится её!

Вообще не боится – ни её, ни других ведьм, хоть по отдельности, хоть всех сразу вместе взятых.

И – едва он так подумал – кошка прыгнула...

К нему.

И он лишь... он лишь только уловил – что – почему-то она – ещё в прыжке, под потолком – вдруг заслонила собой всё пространство комнаты...

И – очертания – вдруг перестали быть тенью от кошки...

А – стали очертаниями – какого-то другого существа...

Непонятного, но – куда менее приятного, чем обычные котики – и с очень уж большими когтями...

Слишком ты великовата – для кошки-то, – только и успел подумать Лёшка...

А дальше всё произошло молниеносно.

Молниеносно он вскочил, и – в тот же миг – раздался выстрел.

И – в тот же миг – вдруг гроза стала словно тише и отдалённее...

И вот – молнии уже перестали вспыхивать...

И гром – грянул ещё вроде... но – совсем уже где-то в отдалении...

И лишь кошка – точнее, кошкина тень – взвыла в последний раз... каким-то не кошачьим голосом... и исчезла.

Просто исчезла – и всё.
Растворилась в воздухе.

Солнце лилось в окно – щедро, тепло, целым водопадом золотистых лучей!

– Ну, как ты, сын? – бодро спросил отец ещё на подступах к комнате – ещё с лестницы.

Лёшка с трудом открыл глаза... чуть повернул голову...

Папа вошёл – и остановился.

– Та-а-ак... – протянул он задумчиво.

– Что там такое? – встрепенулась мама, поднимавшаяся следом.

И – увидев – винтовку на полу возле дивана – всплеснула руками:

– Господи Боже! Что случилось! Ты зачем взял оружие! Да ты что!..

– Слушай, женщина, – вежливо, но строго, и очень внушительным тоном, не терпящим возражений, произнёс папа, – тут мужчины сами разберутся. А ты лучше, пожалуйста, приготовь нам завтрак. Наш герой наверняка здорово проголодался. С разбойниками воевать!

– Ладно, хорошо, – сдалась мама, – пойду сделаю пока завтрак. Омлет с помидорами и сыром и бутерброды с чаем устроят героев? И ещё остались вчерашние сырники, со сметаной и вареньем.

– Отлично! Спасибо, – ответил отец, – мы скоро придём.

И мама ушла вниз.

Отец поднял винтовку, протянул над диваном и аккуратно повесил на стену.

Лёшка лежал и смотрел вверх на отца, насупившись. Ожидал взбучки.

Но отец – лишь вполголоса заметил, что с оружием нужно обращаться очень аккуратно, осторожно и бережно.

И – с уважением.

И – никогда – слышишь, никогда! – не использовать просто так.

И – не поднимать на человека. Тем более – в мирной жизни!

Не только – на человека, но – и на всё живое.

– То был не человек, – шмыгнув носом, пробубнил Лёшка. – То была ведьма.

– А кто дал тебе право – определять: кто есть кто? – сурово спросил отец и внимательно заглянул в глаза сыну.

– Я не определял, – ответил сын, тоже глядя – прямо – в глаза отцу: – Во-первых, она сама пришла... Хотя – у нас и все двери, и окна – всё было закрыто. Задраено! Потому что была гроза.

И как эта чёрная кошка оказалась в моей комнате – я

не знаю, – объяснил Лёшка: – Но даже это ещё не всё.

Она хотела прыгнуть на меня.

И она на меня уже прыгнула.

И она... – замялся мальчик.

Вздохнул – и рассказал всё, как есть.

Отец помолчал.

– Ты будешь смеяться надо мной, да? – тихо спросил Лёшка: – За то, что кошки испугался, да?

– А разве ты её испугался? – спокойно спросил отец. – И потом, знаешь, в мире есть много всякого... Кто знает, может и ведьмы – тоже есть.

И – даже среди нас.

Отец вздохнул, чуть подумал...

Лёшка – ждал.

Либо – взбучки...

Либо – прощения.

И – спохватился:

– А! А винтовку – я не ронял и не кидал! Я аккуратно положил рядом с диваном. Честное слово! Очень аккуратно.

Положил, уже после всего.

И тогда уж сам лёг.

– Хорошо, я тебе верю, – сказал отец.

Он видел по глазам сына – знал: всё было именно так, как тот рассказал.

– Я целил прямо в лапу... в мерзкую когтистую лапу...

Но, правда, в лапу – того... чудовища, – смутился Лёшка.

Папа ещё раз спросил: откуда и по какой траектории – прыгнула кошка...

И – как выглядело очертание – того, что прыгнуло на сына... И – примерно – какой длины – были когти...

Получалось – по рассказу сына – что огромное чудовище – тень – прыгнуло, распахнув когтистые объятия...

И – одна лапища – была уже почти у ковра с оружием, а вторая – левая – внизу у дивана... Когтистые лапы – словно пытались схватить диван вместе с тем, кто на нём.

А затем – папа встал и подошёл к стене – к противоположной от дивана.

Здесь, внизу – виднелась свежая – единственная выбоина.

И рядом валялась гильза.

С дивана – лёжа – этой выбоины не было видно.

Прошло лето. Отец – провожая 10-летнего сына в пятый класс – напутствовал его: теперь он уже и правда взрослый...

И – он, отец – гордится своим сыном.

И – всегда будет на его стороне. Что бы ни случилось.

А после уроков – заедет за ним – и отвезёт в секцию.

В хорошую, настоящую.

Для мужественных парней.

Да, и стрелять там тоже нужно. И – много, и – ещё как!

Метко, и долго не целясь.

И Лёшка – вполне сможет добиться успеха и самых высот.

Если, конечно, будет много и упорно трудиться.

Соседская девочка – по даче – к концу лета – вроде стала поулыбчивей...

Лёшка это заметил!

И сам – тоже стал чаще улыбаться! И даже – как-то осмелел – и улыбнулся – ей!

И она... ответила ему!!!

Тоже улыбнулась в ответ!

А в следующий раз – и улыбнулась, и поздоровалась!!

А потом – даже как-то – спросила – тихо-тихо... но он – услышал: что-то спросила про футбол... который накануне смотрели все мальчишки – собрались у кого-то из них в го-

стях, и шумно болели.

Он ответил... и они даже немножко поговорили.

И – договорились – дружить – на будущее лето!

А ту кошку – ведьминскую – увы... в самом начале осени – разорвал деревенский пёс.

Кто-то из собак – из ближайшей деревни – забегал иногда на дачи: угоститься, с местными собаками подружиться...

Ну, и не понравилась собаке эта кошка...

Хотя – больше ни разу, ни до, ни после – собаки котом не трогали. Вообще.

Кто-то из дачников – увидел застывшую кошку на обочине...

Конечно, узнал, решил сказать её хозяйке...

Подобрал – двумя пальцами – за шкуру...

И – прежде чем сунуть в пакет и отнести – задержал на весу...

Удивлённо рассмотрел лапу...

На одной – левой – лапе зияла огнестрельная дырка навывлет.

«ЗИМНИЙ СОН»

Счастливы счастливые.

(Борхес)

Бабушка болела уже три дня.

Сходила с соседками, тоже пенсионерками – на самодеятельный «песенный концерт душевной лирики» в местный Дом культуры.

– И поют же ведь – ну так проникновенно!.. не то что эти нынешние крикуны, – уговаривали бабушку её приятельницы-пенсионерки из другого подъезда.

Уговорили.

Выступали – дальние родственницы кого-то из соседок...

Бабушка и до этого уже была простывшая. А там – то ли на сквозняке сидела, то ли ещё ноги по дороге промочила – по такой слякоти, поздняя осень...

И – слегла.

Внучка была очень недовольна соседками.

Внучка приехала к своей любимой бабушке на осенние каникулы – а бабушке плохо. И даже видно, что плохо. Лежит, пьёт лекарства.

Пришлось вызвать участкового врача – женщину средних лет с добродушной улыбкой, живущую где-то неподалёку.

– Ничего, для вашей внучки вы неопасны. У вас не грипп, не ангина. Это ваш организм переохладился и дал сбой, и возраст всё же. Плюс – болячки, накопленные за много лет – как раз в такие моменты дают о себе знать. Когда у организма иммунитет нарушен.

А у вас застарелая пневмония, была вылечена, но и осложнения были. Вам сейчас необходимо побережться.

Отлежитесь недельку, лечитесь и старайтесь не напрягаться. Телевизор можно смотреть, но не много, и читать можете, ориентируйтесь на самочувствие и давление.

С внучкой – пожалуйста, общайтесь на здоровье и к обоюдному удовольствию!

Но – всё делать в эту неделю лучше лёжа или сидя. Хозяйство подождёт. И на кухне старайтесь кулинарные вахты не устраивать. Внучка может вам посильно помочь: в магазин сходить, в аптеку – по рецепту, вот, держите. Сколько внучке? Десять... Больше похожа на восьмилетнего мальчика, худенькая такая, да ещё стрижка. Хотя росточка уже выше среднего. Ну, что, серьёзная девочка уже. Поможешь бабушке?.. Умница. Разогреть что-то, яичницу, не знаю, пожарить.

Да, я понимаю: единственная внучка на каникулы приехала, да ещё праздник завтра, конечно, хочется покулинарить от души... Но вам нужен покой и отдых. Ну, всего-то хотя бы недельку отлежитесь. А там я опять приду – посмотрим.

Выздоровливайте! И с наступающим вас – Днём Народного Единства!

Придётся вам на этот праздник магазинными яствами угоститься...

Знаю, знаю, – по-доброму засмеялась врач, – про ваши торты соседи уже легенды слагают!.. Но – главное сейчас – не перенапрягаться и не стоять на сквозняках. И – принимать лекарства. Если почувствуете себя хуже – сразу вызывайте неотложку.

Присмотришь за бабушкой? – участковый врач ободряюще кивнула внучке, которая тут же серьёзно закивала в ответ – с ощущением ответственности и тревоги за родную бабулю.

Затем доктор тепло улыбнулась бабушке. И, уже на ходу выслушивая слова благодарности и поздравления с наступающим, надела пальто и ушла.

Внучка закрыла за ней дверь и огорчённо вздохнула. И пошла в большую комнату – присматривать за бабуш-

кой.

– Это тебя Изольда, небось, сгношила, да? На концерт этот. Терпеть не могу самодеятельность. И там, небось, тётеньки выли, родственницы эти чьи-то... Нашли себе жертвы...

И внучка сердито фыркнула.

Бабушка невольно заулыбалась и ответила ослабевшим голосом:

– Концерт как концерт... Послушала, поют приятно, мелодично. Нет, не Изольда Леонидовна. И лучше ты, пожалуйста, по отчеству её называй, даже за глаза. Она человек пожилой, как и я. А то вдруг случайно услышит – обидится. Да и некрасиво так.

– Да ну, скажешь тоже! Это только она – пожилая! И противная. Вся фальшивая какая-то. И улыбка у неё – тоже фальшивая. И волосы – для её возраста – слишком ярко красит! И помада – аж за километр видна! Как красный светофор. А скромней надо быть, в шестьдесят лет. И ещё она всё время лезет с вопросами: а как, а чего, про родителей выпытывает... Может, ей ключ от их спальни дать? Ей какое дело?

А ты – никакая ты не пожилая, ты хорошая, и добрая, и весёлая. И ты настоящая. Ты – моя бабулечка. Вот так.

Выпалив всё это, внучка быстро подошла к дивану, на ко-

тором сейчас полулежала её бабушка, резво присела на корточки – и порывисто обняла бабушку, всю обхватила, и прижалась к ней щекой...

И чуть не заплакала: и оттого, что бабушку жалко – ведь ей же плохо...

И оттого, что все планы на эту неделю каникул – теперь насмарку...

А планы – были такие: и по городу погулять, и в центральном парке белок орехами покормить, и в кафе сходить, и в кино сходить, и ещё бабушка ей собиралась обновку купить – такой красивый костюмчик! Трикотажный, синий с оранжевым узором. Юбочка и кофточка, загляденье.

А теперь – что?

Пропала неделя...

И внучка снова вздохнула.

И – вот ещё что: угощение же! праздничное угощение!!!

Бабушка – так вкусно готовит!

А теперь – придётся и правда, обойтись чем-то из магазина.

А торт! – вдруг вспомнила внучка.

Как же торт?

Любимый торт...

Торт «Зимний сон» был самый любимый – и не только у внучки.

Но и у всей семьи.

И у всех соседей.

И – вообще у всех тех, кто его хоть раз попробовал.

Все в один голос говорили, что вкуснее – не ели ничего в жизни.

И вовсе не из вежливости – ну, или не только из вежливости – все так говорили.

А – потому что это было правдой.

– Пропал торт... – прошептала внучка. И горестно вздохнула.

– Твоя мама же просила торт! – вдруг спохватилась бабушка. – Надо же... А у меня из головы совсем вылетело... «Зимний сон».

– Вы совсем уже, что ли, обе – ты и моя мама?! – возмутилась внучка, отпрянула от бабушки и уставилась ей в глаза:

– Какой, на фиг, «Зимний сон»?! Ну, то есть, я хотела сказать, – тут же поправилась она, – ни в коем случае. Тебе же доктор сказала русским языком: всю эту неделю ты отлёживаешься. И мы с тобой даже никуда не сходим. И костюм

не купим... Ну и ладно! Но ты выздоровеешь, поняла? Медицину надо слушать! И никаких тортов! Варенье тоже вкусное.

А маме я сама сейчас позвоню – и скажу, что им тоже торт отменяется. Пусть в пекарне закажут. Да они с папой просто не знают, что тебе так плохо! Вот и всё.

А как только я ей объясню – так она и сама сразу же откажется, чтоб ты ей торт делала! Вот увидишь!

И внучка ринулась в прихожую – где обычно на тумбочке стояла бабушкина сумка – строгая и скромная коричневая женская сумочка средних размеров, а в ней обычно бабушка забывала свой сотовый.

И дочь всегда отчитывала бабушку, т.е., свою маму: мол, когда звонит ей – всегда должна ждать, как по городскому – пока та подойдёт к своей сумке в коридоре и вытащит телефон; что, сразу нельзя вынуть его из сумки, придя с прогулки или из магазина – и класть рядом с собой?

Внучка в два прыжка оказалась в прихожей – схватила сумку и поскакала обратно в большую комнату – чтобы звонить по бабушкиному мобильнику в бабушкином присутствии. Но вдруг сумка сама запиликала – зазвонил мобильник.

Внучка на миг остановилась – и тут же протянула сумку бабушке.

– Ой, спасибо, – выдохнула бабушка, выудила из недр телефона и ответила.

Звонила внучкина мама – бабушкина единственная дочь.

Завтра – в День Народного Единства – дочери исполнялось 30.

Юбилей.

И дочка очень хотела, чтобы её мать сделала к юбилею торт «Зимний сон».

Юбилей был поводом.

Муж дочери – внучкин папа – зазвал на праздничный обед серьёзных гостей.

Ожидались: заведующий его кафедрой с супругой, два старших преподавателя с его кафедры с супругами, пожилая дама декан без спутника, очень пожилой профессор без спутницы, и даже проректор с супругой.

Внучкиного папу – ещё довольно молодого преподавателя (всего на три года старше своей супруги) и просто кандидата наук – в университете уважали. И студенты, и коллеги с его кафедры, и руководство.

Умный, прекрасно образованный, с дипломом престижного вуза, много работает, находит общий язык и с колле-

гами, и со студентами, при этом всегда сохраняет чувство внутреннего достоинства, хорошее чувство юмора. А главное, знает свой сложно-технический предмет досконально – и не останавливается на этом.

Исключительно из уважения к молодому коллеге – его более опытные и гораздо более старшие сослуживцы – согласились любезно принять его приглашение.

И, вместо того, чтобы привычно поехать на ноябрьские праздники на дачу с камином, или отправиться в другие гости, ко взрослым детям с внуками, дальним родственникам или старинным друзьям семьи – пообещали прийти домой к нему и его жене-юбилярше.

Вообще-то, так было не принято.

По домам к друг другу университетские преподаватели ходили очень редко.

И времени нет, да и вправду не принято.

А юбилеи отмечали или прямо на работе, на кафедре виновника торжества, или в кафе / в ресторане: по средствам.

Но это приглашение приняли все приглашённые.

Ну, праздник, всё-таки.

И новоселье у молодого коллеги, который недавно въехал в эту новую квартиру – от университета, кстати. Сделал на-

скоро ремонт, теперь празднует новоселье. Вот и позвал своих коллег.

Ну, а юбилей его супруги...

Она не работала в университете. Работала в сторонней лаборатории. Но теперь – с помощью своего мужа – переходила на преподавательскую должность. В этот самый университет.

Серьёзный университет республиканского масштаба – лучший в республике по своему профилю – с солидной репутацией и очень нужными в промышленности сложно-техническими специальностями.

Юбилярша давно готовила почву для перехода. Ещё бы: сразу такой скачок в статусе! Да и – при муже постоянно...

И супруг в итоге сдался. Ну, что поделаешь, раз уж любимой жене так хочется... Ну так уж прямо хочется! И он навёл справки, разузнал, переговорил...

И – его супругу взяли в университет, на вакантное место.

Ну, что ж, диплом позволяет – который он сам когда-то и помог ей получить, полностью написав за неё дипломную работу; они учились в одной группе.

От университета преподаватели получили дачные участки – все одинаковые, по шесть соток.

Сугубо под дачное строительство – с обычными постройками максимум в два этажа, есть несколько утверждённых типовых планов коттеджей – вполне достаточно, а хоро-

мы здесь возводить незачем. Можно – только дачные дома. Скромные.

Во-первых, природоохранная зона – уже само по себе роскошный подарок: чистейшая шикарная природа, лес, река – и правильная экология.

Во-вторых, зачем интеллигенции огромные дворцы? Университетским преподавателям – для удовлетворения своих потребностей – а также амбиций – вполне должно хватать и двухэтажного коттеджа на семью. Все семьи – стандартные современные, по дюжине детей – ни в одной нет. Ну, и достаточно.

А в-третьих: как бы они, преподаватели – если б захотели себе дворцы отгрохать – за них отчитывались?

И что объясняли бы в налоговой? И – своим же коллегам?..

Ну, и опять же, главное: зачем?

И все на дачах довольствовались симпатичными двухэтажными домиками.

Внучкин папа – как самый молодой преподаватель – построился позже всех. И не такой зажиточный пока что, как остальные, это понятно. Не успел ещё столько молодых специалистов подготовить для народного хозяйства, а значит, получить такое количество зарплат, как остальные. И не успел ещё написать столько научных статей, в том числе

и в зарубежные издания, а значит, получить столько гонораров. И т. п.

Это лето – которое прошло и закончилось, и теперь заметалось ворохом пожелтелой листвы, и уже даже засыпалось ранним снегом – было первым летом, которое молодая семья прожила в дачном домике. А не в палатке рядом.

Молодой глава семьи вкалывал и торопился. Ему помогал младший брат. И ещё регулярно приезжала из города бригада рабочих на грузовике. И потом – уже после бригады квалифицированных рабочих – на разные доделки-подработки приглашались мужчины и парни из ближайшей деревни.

Задействовалась даже дочка-школьница: доски подтащить, побыть грузиком у двуручной пилы – крепко вцепившись обеими руками в ручку пилы со своей стороны.

– Да папа, да нам полезно так, это тоже как тренировка, циклическая, понимаешь? Тренер нам даже похожие упражнения со жгутом советовал дома делать, по выходным, дополнительно, – уверяла дочка папу.

– Ну, ладно, – строго согласился отец, – только держись крепко и руки не отпускай. А захочешь отпустить – сначала мне скажи. И я сразу остановлюсь. Поняла?

И так они много досок распилили, на нужные размеры, за предыдущее лето.

И вот – у них своя дача! А на даче – собственный домик!
Двухэтажный.

Мама всё лето была очень любезна и улыбочива со всеми соседями.

Многие соседские семьи – старше, уже взрослые дети, а у кого-то и внуки есть.

И дачники – охотно останавливались поздороваться с приветливой соседкой и перекинуться парой слов про дачные дела: и встретив на улочке, и – даже увидев в саду близ калитки, проходя мимо их совсем невысокого и, скорее, символического забора – как у всех. Да и зачем тут – глухие заборы? Ведь все свои.

Всё равно все друг про друга всё узнают...

Лето прошло... Облетела с деревьев листва. Стало всё голо...

То, что летом пряталось под зелёными разросшимися деревьями, за пышными кустами, скрывалось среди пёстрых разноцветных цветов – теперь вдруг обнажалось...

И обнажилось совсем.

Внучка не верила своим ушам.

Сначала, когда бабушка вкратце рассказала маме о том,

что заболела, лежит, приходил врач, – внучка слушала спокойно и отстранённо. Да и – не дело это, детям изо всех сил вслушиваться во взрослые разговоры. Потому внучка очень-то и не вслушивалась. Так, разве что, краем уха.

И ждала: вот сейчас мама наговорит бабушке добрых слов сочувствия и тёплых пожеланий поскорее выздороветь.

И, конечно, выдаст кучу извинений – за беспокойство, за то, что – вот, тут, с этим тортом... пристала не вовремя. Интеллигентно, в общем, поступит.

Ну, и чисто женское – ах, ах, и всё такое – тоже никто не отменял. Миленько так.

И – на этом всё, и бабушка с внучкой останутся-таки наедине друг с другом.

И внучка уложит бабушку отдыхать! И станет изо всех сил её лечить и за ней присматривать. И кормить лекарствами по рецепту.

Но разговор пошёл не так.

И, судя по интонациям, в тишине квартиры явственно доносившимся из мобильного – маму ситуация раздражала.

– Мама, мы с тобой договорились! Ты мне обещала. Ты дала мне слово, что сделаешь торт. И я на тебя понадеялась, – с металлическим звоном доносились из трубки мамины наездания.

– Доченька, – дождавшись паузы, бабушка вздохнула со-

крушённо.

И стала объяснять ситуацию:

– Доченька, я и правда плохо себя чувствую. Даже в руку сильно отдаёт. И давление. Ты же знаешь, я всегда с удовольствием всё для тебя делаю. Но сейчас – я просто не в состоянии. Мне и правда тяжело. Даже просто стоять трудно. А этот торт – он требует долгой подготовки, и по времени очень много...

– Мама. Значит так. Ты обещала? Обещала, – перебила дочь. – Я на тебя понадеялась. Я хочу – я очень хочу – чтобы ты сделала для меня торт. Именно «Зимний сон». У нас будут очень серьёзные гости, этот торт им понравится.

– Дорогая, – грустно вздохнула бабушка, – но ведь вы ещё успеете заказать хороший торт. Гости к вам придут завтра – после обеда, так? Ещё же целые сутки.

– Мама, завтра мы приедем. Мне нужен именно «Зимний сон». Заказной выпечкой их не удивишь. Постарайся, пожалуйста. Я очень тебя прошу! – и мамин голос вдруг сделался мелодичным и нежным. – Пожалуйста, хорошо! Чтобы я не ударила лицом в грязь перед гостями. Ну, ведь ты же знаешь, это для меня очень важно. И у меня же не каждый день юбилей, правда? А торт у тебя получится чудесный! Я в этом нисколько не сомневаюсь. Всё, пока, выздоравливай, целую тебя. Завтра в полдень мы приедем за тортом.

Бабушка тихо опустила руку со стареньким и немодным

мобильником в сумку, и он скользнул опять куда-то в сумочные недра.

Внучка была вне себя. Уставилась на бабушку в упор, в глаза – и, тяжело дыша, чтобы только не заплакать, и зря её не огорчить, – выпалила:

– Что она себе позволяет? Она совсем уже Бога не боится? Как так можно! Как можно быть такой чёрствой, бесчувственной и злой?!

Бабушка вздохнула:

– Маленькая моя, не нужно так говорить. Это нехорошо. Она же твоя мать.

– Да?! Называть её бесчувственной и злой – нехорошо, хотя это вообще-то правда! А – так обходиться со своей пожилой мамой, которая к тому же заболела – это хорошо?! Вообще-то ты тоже мать – для неё. Она – тоже твоя единственная дочь! Или она забыла?!

Бабушка собрала остатки сил – и улыбнулась.

Улыбнулась – как всегда, по-доброму и миролюбиво.

Разве что – чуть грустно и устало.

И внучка сразу опустила глаза – и горько вздохнула, отчего худенькие плечи сначала сильно поднялись... И тут же

опустились на место.

Да уж... Не трепать же нервы своей бабулечке лишний раз, – подумала внучка. – Хватит с неё и мамы.

Посмотрела на бабушку – уже спокойнее – и тоже постаралась улыбнуться.

И снова присела на корточки – к ней поближе.

– Ну, вот, всё будет хорошо, – ласково сказала бабушка и родной тёплой ладошкой тихо погладила внучку по макушке. – Давай не будем огорчаться, хорошо.

Внучка кивнула в ответ, пряча грусть.

– А торт мы с тобой всё же сделаем, давай? – очень мягко сказала бабушка. – Я так хочу ей помочь! Это действительно важно. И я ведь ей и правда пообещала. Раз уж обещала, сделаю. Пожалуйста, пойми это, хорошо? Она так волнуется...

– Ладно, – деловито подхватила внучка, – тогда давай так: ты минимально торчишь на кухне и максимально вылёживаешься. А я – максимально тебе помогаю. Всё предварительное я и сама могу сделать – просто под твоим чутким руководством. Заочным! С дивана! То есть, твой командный пункт – на твоём диване.

Соглашаюсь только на таких условиях! Дипломатическая нота! Ультиматум! Вот такой наш ответ Чемберлену!

Они обе засмеялись – тихонько и весело, глядя друг на друга.

И у обеих лучились глаза – пониманием, родным теплом и любовью.

– А откуда ты знаешь про Чемберлена? Где-то прочла? – спросила бабушка.

Внучка озадаченно сдвинула брови, подумала – но так и не вспомнила. И дёрнула плечами: – Да не знаю я! Не помню. Где-то ж вычитала.

И они обе снова весело и тихо рассмеялись, тепло глядя друг на дружку.

В дверь позвонили.

Внучка вскочила пружиной и кинулась в прихожую – открыть.

– Спроси, кто! – собрав силы, как можно громче напомнила бабушка вслед.

В комнату вплыла Изольда Леонидовна, в длинном ярком домашнем платье и с широкой улыбкой, чисто по-соседски.

Внучка дала себе установку: быть с ней приветливой и учтивой («ради бабушкиного здоровья»). И даже решила не обращать внимания на её пунцовую помаду, которая, как всегда, была налицо, даже дома.

Внучка так решила не только из-за бабушки – хотя это, конечно, было сейчас основное: лишний раз не огорчать, не усугублять.

Просто – после телефонного разговора – Изольда Леонидовна почему-то уже не казалась внучке такой уж противной.

Тем более, что её визит был кратким – как всегда, когда у бабушки гостила внучка. Ну, а бабушкино общение во внучкино отсутствие – это уж не внучкина забота.

Изольда Леонидовна посетовала на позднюю осень и сырую погоду.

С жаром призывала бабушку поскорее поправиться, выздороветь и больше никогда не болеть, и бабушка, кажется, немного устала благодарить за все заклинания.

Далее соседка пылко порывалась сходить для бабушки в аптеку – а если там чего не будет, так есть знакомые врачи, тут же всё раздобудут. И, кажется, бабушка снова немножко утомилась вежливо и с благодарностями отнекиваться. И уверять, что лекарства в рецепте недорогие и общедоступные. И внучка ходит в аптеку сама, здесь же совсем рядом, в соседнем доме.

И тогда Изольда Леонидовна предложила сделать торт.

Роскошный – и в то же время очень нежный и тающий

во рту – «Наполеон». Или даже – бабушкин коронный! – «Зимний сон». Она знала, что на важные праздники бабушка всегда делает один из этих тортов. И теперь хотела помочь, раз уважаемая соседка болеет: сделать ей приятное.

Услышав, что бабушка как раз собиралась делать «Зимний сон» – причём, обязательно, потому что дочь очень просила, – Изольда выказала такое рвение – что тут уже отказаться не было никакой возможности. Бабушка попыталась – но стало ясно: отказ нанесёт Изольде Леонидовне такую душевную травму... Что восстановить добрососедские отношения будет очень непросто.

И бабушка сдалась.

Изольда Леонидовна уже почти полетела из квартиры – буквально, на крыльях радости – едва вырвав бабушкино согласие.

Но бабушке всё же удалось её остановить – и вручить заготовленные ингредиенты. А то соседка хотела тут же отправиться на центральный рынок – самой всё закупить. Всё самое лучшее.

– Покажешь Изольде Леонидовне, где у нас на кухне лежит всё, что нужно на торт, – попросила бабушка внучку: – Грецкие орехи, мак, изюм – в верхнем шкафчике, ты знаешь. Там же ромовая эссенция, да, на малюсенькую пробирку похоже. Там же особый сахар и ванилин. Там всё уже отмерено, в нужных пропорциях, и всё отборное, подходящее, му-

ка там же... Изольда Леонидовна, пусть останется, ничего страшного... да ну что вы, не нужно возвращать остатки... Да что вы, большое вам спасибо, что вызвались помочь... Сливочное масло в холодильнике... Да, для дочери это очень важно, юбилей 30 лет, и переходит на новую работу, и гости для них важные ожидаются... Спасибо вам, спасибо!.. Ели вы совсем уж отказываетесь от денег ...нет, ну что вы, я не хочу вас обидеть, хорошо-хорошо, спасибо вам большое – а я вам к Новому году сделаю торт, хотите? Договорились! Ещё раз вам большое спасибо.

Внучка повела соседку на кухню, выдала всё, что нужно на торт – всё, что сказала бабушка. Аккуратно сложила в большой пакет с ручками.

Уходя, сияющая соседка ещё раз уточнила, к которому часу приготовить – и воодушевлённо пообещала принести – завтра, до полудня.

Готовый торт «Зимний сон».

– Ну, вот, и славненько! – обрадовалась внучка, закрыв за соседкой дверь и вернувшись в большую комнату, к бабушке:

– Ну, ладно, признаю, я была к Изольде несправедлива. То есть, к Изольде Леонидовне. Вот ей и правда спасибо, а! Вот молодец какая! А ты лежи отдыхай. Давай я тебе телик вклю-

чу, хочешь? Я сейчас в аптеку пойду, и в магазин, нам что-нибудь нужно, батон там, ещё что-то? Или у нас всё есть? – деловито засобиралась внучка.

– В магазин ходить не нужно, у нас с тобой есть всё. И батон, и хлеб, и к чаю, и сегодня поесть, и завтра на стол поставить. Я же к твоему приезду подготовилась, – тихонько и ласково засмеялась бабушка.

И у неё на глазах вдруг выступили слёзы.

– Всё ясно! это у тебя температура, – воскликнула внучка. – Тогда пока без телика! Много смотреть в экран вредно. Спи, хорошо? А я схожу в аптеку. Я быстро!

– Я тебя дождусь, пообедаем, а тогда уж и посплю. А вечером мы с тобой сделаем торт.

– Как?.. – остановилась внучка и воззрилась на бабушку: – Так ведь Изольда Леонидовна всё сделает! И завтра принесёт... Или ты думаешь, она может подвести?

– Я уверена, что она очень постарается, – объяснила бабушка, – но на всякий случай лучше подстраховаться. Вдруг у неё что-то пойдёт не так? А торт мы обязательно должны сделать.

– А, он, значит, невкусный будет, да? – догадалась внучка.

– Ну, зачем же сразу невкусный. Изольда Леонидовна будет стараться, сделает всё по рецепту, она у меня давно его попросила, я ей переписала и объяснила подробно, и однажды она смотрела здесь у меня на кухне, как я его делаю, от начала до конца. Торт у неё получится вкусный. Очень вкусный, я в этом уверена. Но...

Понимаешь, твоя мама хочет – рассчитывает – что торт сделаю именно я, – тихо добавила бабушка. – Не хочу хвастаться, не люблю этого, но... Мой торт получается немножко другим. Хотя я всё делаю так, как объясняю соседкам и подругам – когда они просят рецепт и секреты приготовления...

Но почему-то у всех он получается чуть-чуть другой...

И – у всех разный.

– А куда мы Изольдин торт денем? Выкинем?... – озадаченно спросила внучка.

– Да ну что ты! Кто ж хорошее добро выкидывает! Тем более что Изольда Леонидовна сделает отличный торт. Завтра праздник, я ведь собиралась испечь два торта – одинаковых, твоим родителям и нам с тобой. Нам тоже нужно на праздничный стол. Ко мне любимая внучка приехала! Как же не порадовать! К тому же и каникулы, и праздник!

Вот, один торт у нас уже будет! – улыбнулась бабушка, – а то два мне сейчас совсем не сдюжить... Изольде Леонидовне большое спасибо за помощь.

А твоим родителям – мы с тобой вместе сделаем. Ты ведь поможешь мне?

– Конечно! – с готовностью воскликнула внучка.

И строго добавила: – Уж ж договорились.

– Вот и хорошо. И тебе спасибо за помощь, – снова улыбнулась бабушка.

И спохватилась: – Только, смотри, не выдай, что мы Изольд-Леонидовны торт сами съедим! А то она страшно обидится.

Не надо зря людей обижать. Человек искренне вызвался помочь.

Внучка заверила бабушку, что всё будет шито-крыто, и умчалась в аптеку.

Было уже совсем темно, когда бабушка проснулась.

Три часа, что бабушка спала, после обеда, до вечера – внучка в другой комнате читала книжку, забравшись в кресло с ногами, а если надо было пройти по квартире – ходила на цыпочках, тихо-тихо...

Начитавшись, пошла на кухню – не включая свет, стояла

у стола, молча смотрела в окно.

И думала: вот, бабушка проснётся – ещё можно будет чаю попить... А есть совсем и не хочется – после такого обеда, сытного, вкусного, от всей души – для внучки! Бабушка-то сама почти ничего и не ела, болеет, так, супчику только немножко.

За окном всё было белым-бело.

Что-то тихонько насвистывала метель, словно звала всех за собой, вместе спеть и закружиться в белом пушистом вальсе...

Вьюга на лету закручивала миллиарды снежинок в затейливые узоры – то выстреливала серпантинном, то смыкала олимпийскими кольцами, то развешивала в воздухе бело-снежные замысловатые кружева – в свете фонарей то серебряные, то золочёные, то сверкающие всеми бриллиантами этого мира.

Переливающийся кружевной покров затихал перед окнами – словно кто-то невидимый где-то высоко держал его за огромные уголки, легонько встряхивая...

Казалось: весь мир превратился в единый сверкающий кружевной покров.

И – тут же всё снова приходило в какое-то радостно-суетливое движение.

Из другой комнаты бабушка позвала слабым со сна голо- сом, внучка вынырнула из кружевных грёз, в три прыжка оказалась в комнате и включила торшер у дивана.

– Так поспала хорошо... и сон такой милый приснился, – щурясь от мягкого света, тихо произнесла бабушка, приходя в себя.

– О чём? – с готовностью подхватила внучка.

– А вот уже и не помню, – улыбнулась бабушка, – помню, что зимний. Снежный. Красивый.

– Это к счастью! – обрадовалась внучка и помчалась на кухню ставить чайник. – Это к большой удаче! – протараторила она на ходу. – Точно говорю! Так девочки в классе сказали.

Правда, они говорили, что это к свадьбе, – объяснила она, уже вернувшись в комнату. – В общем, полностью выздоровеешь! Расцветёшь!! И замуж выйдешь!!!

После весёлого чаепития бабушка смотрела телевизор. А внучка периодически ходила на кухню – в нужное время: то здоровенный сладкий изюм замочить, то масло из холодильника достать, чтоб нагрелось до комнатной температуры, то ещё что...

Наконец, бабушка с внучкой переместились в кухню. Бабушка принялась за торт.

«Зимний сон».

Внучка тихонько сидела рядом, сбоку стола, и внимательно смотрела.

Иногда что-то спрашивала – так, потихоньку, чтоб не под руку...

Бабушка отвечала, негромко, не спеша. По-доброму. Всё объясняла.

– А почему твой торт всегда получается – особенный? Ведь у тебя и правда – не так, как остальные... Ты знаешь какой-то особый секрет?

Бабушка легонько вздохнула. Улыбнулась. И объяснила:

– Да какой секрет... Во-первых, я всегда стараюсь брать хорошие компоненты. Я же делаю торт по праздникам, угощать – тебя, твоих родителей, соседей, приятельниц, добрых знакомых... Людей же не будешь кормить абы чем.

Отсюда же – во-вторых: я никогда не делаю абы как. Всегда стараюсь. Ну, а как иначе? Если делать тят-ляп – так лучше не делать вовсе. И я всё же действительно умею это делать, и делаю с удовольствием. На совесть.

А отсюда – и в-третьих. Если что-то делаешь – то делай с душой. С добротой. С хорошими намерениями и пожеланиями.

И я же не на продажу делаю, и не для меня. А – просто

так. И – с любовью.

Вот и все мои секреты, – ласково засмеялась бабушка.

К утру выюга стихла.

За ночь – едва не завалив снегом весь окружающий мир! И превысив все мыслимые нормы снежных осадков – не только во всех ноябрях, но и за все зимние месяцы последних двадцати лет.

И вокруг всё было укрыто и укутано самым пушистым и нежным покровом.

Но юной зимушке-зиме и дела не было до всех рекордов вместе взятых, и она намеревалась снова как следует сыпануть снегом, и новые пуховые хлопья – всё больше и больше – невесомо закружились на светлом небе.

Изольда Леонидовна принесла свой «Зимний сон» в половине двенадцатого.

Тщательно причёсанная, нарядная, в бусах.

Радостно сияя, торжественно водрузила своё творение посреди чистого и пустого кухонного стола.

И чуть смущённо прокомментировала:

– Я решила принести пораньше, чтобы наверняка. Чтоб вы не волновались!

И, выслушав бабушкины благодарности, великодушно добавила:

– И чтобы не столкнуться с вашими детьми. Они скоро должны подъехать, да? Вы им не говорите, что это я делала. А то вдруг им неудобно будет... Я не выдам! Пусть они думают, что это сделали вы!

Бабушка заверила, что дети – дочь с зятем – ни о чём не узнают.

Поздравила с Днём Народного Единства, подарила бутылочку наливки.

Когда Изольда Леонидовна ушла, бабушка подменила торты.

В дверь настойчиво позвонили.

– Мама, привет, ну что, готово? Как ты себя чувствуешь? – спросила дочка, стряхивая с себя последнюю невидимую снежинку и прикрыв входную дверь.

– Спасибо, мне лучше, – тихо ответила бабушка, и в её голосе сейчас слышались и строгость, и грусть... и даже горечь. – Может, чаю выпьете?

– Нет, мы очень торопимся, давай тогда я заберу торт, и мы поедem.

– А ты его сама понесёшь? Он же большой, тяжёлый.

– Ничего, донесу, – нетерпеливо тряхнула волосами дочка.

ка и переступила на каблучках, – машина у подъезда, а он не стал подниматься, он спешит.

Бабушка с дочкой пошли в кухню. Бабушка вручила дочери приготовленный загодя подарок – красивую неохватную павло-посадскую шаль из тончайшей шерсти с шёлковой бахромой: на изумрудном поле выются тонкие узоры в цвете нежной сирени и розанов шиповника; поздравила тепло – и наскоро: дочка торопилась.

Входная дверь распахнулась, стремительно вошёл зять и громко поздоровался.

– Привет, пап, – обрадовалась внучка, до этого молча стоявшая в большой комнате и издали хмуро наблюдавшая за мамой.

– Привет, – бодро отозвался отец. – А ты что, в гости в пижаме собралась? А где бабушка?

И – тут же уважительно поздоровался с бабушкой, выглянувшей с кухни.

Начал спрашивать: точно ли им – бабушке с внучкой – очень хочется идти в те гости, и точно ли они отказываются поехать сейчас вместе с ними...

Увидел бабушку – бледную, в аккуратном платье – домашнем, а не праздничном... И осёкся.

– Какие гости? – удивилась внучка, – бабушка болеет. Мы все каникулы дома.

– Как – болеет? – удивился папа. Кинул быстрый взгляд на возникшую на пороге кухни супругу-юбиляршу с подарком...

Горько вздохнул. Помолчал немного. Повернулся к бабушке:

– Ладно, ясно. Пожалуйста, извините. Что так случилось... Н-да...

Но – может быть, поедете с нами? У нас есть полчаса в запасе, мы подождём, пока вы соберётесь. Совершенно спокойно! Тебе-то, вообще, что там собираться, – кивнул он своей десятилетней дочери, – быстро переоделась, и всё.

И снова повернулся к бабушке.

– Спасибо за приглашение, – искренне поблагодарила она, – но я не очень хорошо себя чувствую. Сегодня уж не до гостей, – заулыбалась она примирительно.

– Как же вы тогда торт делали? – негромко спросил папа, – это же целое дело.

Взглянул на тещу. Затем – на жену...

И мрачно выдохнул куда-то вбок.

– Не переживай, – спокойно и легко сказала бабушка: – И вы поезжайте, чтобы не мчаться, да ещё все дороги замело. А мы тут вдвоём хорошо проведём время.

У нас же вот какая помощница растёт, – и бабушка с тёплой улыбкой кивнула на внучку. – Вчера так хорошо мне помогала. И в аптеку сама ходила, здесь рядом.

И добродушно добавила – и зятю, и пришедшей с кухни дочери:

– Всё в порядке. Желаем вам хорошо отпраздновать. Надеемся, торт гостям понравится. Пусть у вас всё получится! С юбилеем! И с праздником!

Двенадцать присутствующих отобедали.

По приглашению хозяев, гости бегло и деликатно осмотрели новую квартиру – без излишне пристального внимания, но не забывая ненавязчиво и вовремя хвалить.

И теперь все продолжали спокойно и дружественно общаться.

Мужчины изредка выходили в лоджию: кто-то – покурить, кто-то – просто за компанию, дабы не прерывать интересный разговор, про науку или за жизнь.

Женщины оставались в большой комнате, за большим

столом, и тоже мирно и приятно о чём-то беседовали – стараясь избегать сплетен, колкостей и неудобных тем.

Порой хозяйка-юбилярша выходила на кухню – то отнести лишнюю посуду, то принести новое блюдо, то ещё за чем-то, и кто-то из гостей вскользь предлагал свою помощь, но хозяйка с обаятельной улыбкой благодарила и отказывалась, ей было неудобно беспокоить гостей, старших – и возрастом, и положением; хотя раза два гости всё же аккуратно помогли ей – и видели, что она им очень благодарна.

И все гости обоих полов, конечно, не забывали делать обаятельной хозяйке комплименты – неизбежно-искренние и шутивно-уместные, умело, прилично, со вкусом.

Но вот, наконец, гастрономическая пауза после основных блюд сытного обеда подошла к концу.

Настало время чаепития.

Всё не нужное для чая – убрано.

Своё законное место на столе занял изысканный чайный сервиз на 12 персон – гордость хозяйки: красивый тонкий дорогой фарфор, подарок родителей мужа.

И – самый торжественный момент: водружение торта. В центр стола.

После мига молчаливого восхищения – заговорили все

сразу, с удивлёнными и в то же время радостными улыбками:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.